

Лазуткина Вера Михайловна

— В 1937 году я жила в Новосибирске. Работала на заводе «Большевик» обойщицей. Начало 1937 года для меня было радостным: родилась дочь. Мы с мужем были счастливы и не могли нарадоваться на своего первенца. Но неожиданно вся наша жизнь была разрушена в один миг. 28 июля к нам на квартиру пришли двое мужчин. В это время я собиралась кормить грудью свою крошку. Они сказали, что меня вызывают в органы минут на 10—15 и велели поторопиться. Я передала дочку племяннице и пошла с ними, надеясь скоро вернуться. Не знала я и не ведала, что навсегда уведут меня от ребенка, которого я не успела покормить, на всю жизнь лишают ее материнской ласки, отнимают счастливое детство.

Прошло уже более часа. Я чувствовала и знала, что ребенок голодный, кричит, что меня ждут дома, и попросила милиционера отпустить ненадолго, чтобы покормить ребенка. Но меня и слушать даже не захотели. Я не понимала, что случилось, какая беда свалилась на нашу семью, куда и зачем я попала. В милиции нас продержали допоздна, а ночью увезли в тюрьму. Вот так моя маленькая дочка осталась без материнского молока, а мне больше не удалось испытать чудесной материнской радости. Страх сковал мою душу. Я не могла представить себе, за что такая жестокость ко мне и к моему ребенку. Как можно так бесчеловечно по живому разорвать единое целое — мать и дитя.

Начались страшные дни. По ночам соседок по камере вызывали на допросы. Я видела как женщины возвращались окровавленные, с синяками, с опухшими ногами. Две женщины с нашей камере после допросов сошли с ума. Прошло много лет, но их лица стоят у меня перед глазами. Они бросались на окна, к дверям. Звали своих детей. Потом их увели из камеры, и они больше не вернулись. Все это страшно пугало меня. Женщины в камере посоветовали не отказываться от обвинений и подписать все сфабрикованные документы. Иначе будут бить, пока не подпишешь.

15 сентября вызвали меня первый раз и зачитали обвинение во вредительстве и антисоветской агитации. Дали подписать. Тройка УНКВД по Западно-Сибирскому краю осудила меня к 8 годам лишения свободы. Ночью нас погрузили в телячьи вагоны и увезли в г. Мариинск. Весь этап разместили в овощехранилище. От сырости и недостатка воздуха люди стали умирать. Мы стали просить, чтобы нас переселили в другое место. Просьбу нашу удовлетворили. Переселили нас в холодный клуб, да так набили, что стоять было тесно, Слабые люди так стоя и умирали.

Из клуба нас этапом погнали в лагерь Орлово-Розово. Расселили по землянкам, выкопанным на скорую руку. Вместо постели выдали по охапке соломы. Вот так мы и спали вповалку на соломе на общих нарах. В довершение ко всему на нас свалилась еще одна беда. На женский барак где мы жили, лагерные «придурки» и воры стали устраивать налеты. Избивали, насиловали, отнимали последнее, что оставалось.

На 4-м лагпункте (каторжный лагерь ОЛП-4 в Ложках), где мне пришлось отбывать срок, перед женским баракком было подвальное помещение. Каждый день со всего лагеря в него сносили умерших. Было их очень много. Через два дня приезжали подводы л загружались трупами. Сверху из забрасывали соломой и увозили из лагеря.

С наступлением весны нас стали выводить из зоны под конвоем на весенне-полевые работы. Копали лопатами большие поля. Боронили, сеяли, сажали картофель. Все работы выполнялись вручную. Так что руки наши женские все время были в кровавых мозолях. Отставать в работе было опасно. Грозный окрик конвоя, пинки «придурков» заставляли работать из последних сил.

Я была настолько убита горем и истощена физически, что даже не верила уже, что смогу пережить этот ад. Так оно и было бы, если бы не случай, который свел меня с хорошими людьми. В бараке, со мной рядом поселились две женщины-москвички. Лепешкина Лидия Ивановна — зоотехник лет 60-ти и медсестра Бакум-Соловьева Вера Ивановна. Они-то и помогли мне выжить. Они уверили меня, что я ни в чем не виновата перед государством. Что правительство разберется, и ради грудного ребенка обязательно освободят меня. Этой надеждой я и жила все время. Святая простота. Находясь сами на краю пропасти, в трудном безвыходном положении, эти женщины не теряли самообладания и старались утешить, отвести беду от другого.

Однажды моих утешительниц вызвали в оперчасть и больше я их не видела. Потом был зачитан в бараке приказ о расстреле Лепешкиной за то, что два сына ее учились за границей. Куда делась Бакум-Соловьева, мы так и не узнали. Вот так я встретила и потеряла двух хороших, душевных людей, чей пример и образ навсегда останутся в моей памяти. Мне очень хочется сказать сыновьям и родственникам Лепешкиной Лидии Ивановны, Бакум-Соловьевой Веры Ивановны, (если они живы), что их матери были людьми большой души, чистыми, добрыми людьми, которыми надо гордиться. Тяжело переживала я эту утрату. Ведь эти женщины не дали мне погибнуть и потерять веру в жизнь и добро.

Года через три меня расконвоировали и направили работать на маточный свинарник. Бригада наша работала хорошо. Среди молодежных бригад в «социалистическом соревновании» по Кемеровской области мы заняли первое место. Нас премировали двумя поросятами и за доблестный труд снизили срок наказания на пять месяцев. Правда, после освобождения домой не отпустили. Выдали паспорт и сразу же отобрали. Объявили: будете работать по вольному найму. В справке, выданной после реабилитации, записано: «Освобождена по отбытии срока наказания с закреплением в лагере для работ по вольному найму». Никто не спросил моей воли и моего желания. Опять недели хомут бессрочного «найма». Так я отработала в лагере еще два года. За это время у меня не стало ни дома, ни семьи, ни ребенка. Из зоны меня выпустили. Дали рядом маленькую комнатенку.

Единственное, что мне разрешили — пригласить к себе родственников. В 1947 году ко мне приехала племянница — единственная свидетельница моей «счастливой лагерной жизни». Здоровье мое в лагере было подорвано простудные заболевания, тяжелый физический труд лишили возможности иметь детей. Моя дочь живёт сейчас в Новосибирске, но встретились мы с ней чужими людьми.

В лагере я познакомилась с хорошим человеком Павлом Ильичем Сытиным, уроженцем г. Ленинграда. После освобождения из лагеря мы поженились и прожили много лет. Еще я вспоминаю об удивительном человеке — Бокове Викторе Будучи. В заключении он часто устраивал концерты. Он хорошо играл на гитаре и пел. С моим мужем они были большими друзьями и часто встречались. В настоящее время композитор и сочинитель многих песен Виктор Боков известен всей стране.

Я с удовольствием слушаю его песни и вспоминаю совместную лагерную жизнь. Когда меня реабилитировали, я попросила открыть мне ту «страшную тайну». Кто и за что меня упрятал на десять лет? Кому в жизни я помешала? Кто находил наслаждение в людском горе? Кто расчерком пера рушил семьи, оставляя детей сиротами? Дело мое никто мне не дал. Так до сих пор я не знаю, кто разрушил мою жизнь.

Сейчас мне более восьмидесяти лет. Все же хочется узнать, кто же был моим «доброжелателем». Кто так жестоко расправился с моим ребенком и моей судьбой? Не так просто объяснить Вере Михайловне причину всех наших бед и несчастий. Дело не только в том конкретном человеке,

который нарушил Божью заповедь: «Не возводи на друга своего ложного свидетельства», а в позорной системе, развратившей общество, разделившей людей на «врагов» и «патриотов».

Политические игры тоталитарной системы — это тот же беспредел ГУЛАГа: не донес на ближнего — сам враг, ст. 58-12. Донос — значит «патриот» (стукач). 70 с лишним лет мы жили по лжи. И сейчас, когда пришла пора наказать порок, когда появились проблески надежды на лучшее, снова раздаются призывы вернуться к старым, «добрым временам». Кому-то не терпится снова, с классовых позиций, накинуть петлю на шею да затянуть потуже. Вот уж поистине «благодетеле». Упаси от них, Господи!